

Глава 10

На следующий день в полдень в дверь Цзи Мянся снова постучали.

На пороге вновь стоял Дуань Чжо. И снова он ограничился всё теми же лаконичными словами:

— Спускайся.

Юноша послушно последовал за ним. На этот раз в квартире мужчины больше никого не было.

— Сестры Юймань нет? — поинтересовался Цзи Мянсь.

— Вернулась в родные края, навестить стариков.

— О. А вам, брат, разве не нужно на родину?

— Не нужно. Все померли, — бросил Дуань Чжо.

Цзи Мянсь изумлённо распахнул глаза. Прошло несколько секунд, прежде чем он, запинаясь, выговорил:

— Простите, брат, я не хотел...

— Поверил? — мужчина усмехнулся, явно забавляясь. — Обманул я тебя.

«...»

Юноша нахмурился, не скрывая неодобрения:

— Брат. Шутить такими вещами... нехорошо.

Улыбка мгновенно исчезла с лица собеседника, он лишь холодно дернул уголком губ. Надо же, этот мальчишка вздумал его поучать?

Некоторое время Цзи Мянсь стоял молча, чувствуя легкое замешательство. Если Му Юймань нет дома, зачем тогда Дуань Чжо позвал его вниз?

Внезапно его осенило, и он спросил:

— Брат, вы уже пообедали? Мне сходить купить еды?

Только такое объяснение казалось ему логичным.

«...»

Дуань Чжо стиснул зубы. Зажатая во рту недокуренная сигарета чуть приподнялась вслед за движением его челюстей.

Каждый раз, когда Цзи Мяннь заговаривал с ним, мужчине казалось, что его фамилия вовсе не «Дуань», а «Чжоу» — в честь того самого легендарного мироеда Чжоу-живодёра. Неужели он в обычное время настолько притесняет этого мальчишку?

Он попытался припомнить: ну, заставлял он его иногда бегать по мелким поручениям, строгать дерево... Но ведь он дал ему жильё и, когда вспоминал, даже собирался платить жалование — просто малец сам отказался.

— Брат, если вы хотите что-то съесть, просто скажите мне, не нужно было специально подниматься... — заботливо добавил юноша. — Это ведь так утомительно.

Дуань Чжо то сжимал, то разжимал челюсти, издав в итоге едва слышный презрительный смешок.

— Сейчас Новый год, — отрезал он.

— ?

— По-твоему, внизу осталась хоть одна открытая забегаловка?

«...»

— И правда.

Дуань Чжо потушил сигарету.

— Иди на кухню, неси еду.

Войдя на кухню, Цзи Мяннь обнаружил на разделочной доске три блюда. Два из них были вчерашними: остатки рыбы и горшочек с креветками, которые уже успели разогреть в микроволновке. Рядом стоял котелок с только что сваренным рисом, наполнявшим помещение свежим ароматом.

Дуань Чжо оказался «заботливым» хозяином: разогрел гостю вчерашние остатки, да еще и целую кастрюлю свежего риса сварил!

Впрочем, юноша не видел в этом ничего зазорного. Он не считал себя гостем — скорее, прилежным подручным. И что «старший брат» давал ему, то он и ел.

Глядя на дымящуюся яичницу с зелёным перцем, он лишь восхищённо подумал:

«Оказывается, кроме рыбы, брат умеет готовить и другие блюда»

Сам Цзи Мяннь умудрялся пережарить яйца даже при максимальной осторожности.

Он расставил тарелки на столе и чинно положил палочки на край миски Дуань Чжо.

Первая трапеза в новом году — пусть и состоящая из остатков.

Цзи Мяннь ел неспешно, но мужчина, вопреки ожиданиям, ненамного опережал его. Он лениво чистил креветки, подхватывал овощи — всё, что он делал, было пронизано той самой небрежной вальяжностью, которая была его сутью.

Юноша, набив рот рисом так, что одна щека смешно выпятилась, не сводил глаз с половины рыбы на блюде и с палочек собеседника, которые упорно обходили её стороной.

Вчера, когда здесь была Му Юймань, за столом царило оживление, и Цзи Мяннь ничего не заметил. Но сегодня, когда их осталось только двое и в комнате повисла тишина, он наконец осознал: его покровитель, похоже, совершенно не притрагивается к рыбе.

— Брат, вы не любите рыбу?

Дуань Чжо на мгновение замер, после чего выдал несколько скупых слов:

— Кости. Трудно вынимать.

Он не ел рыбу с раннего детства: каждый раз косточка застревала у него в горле, и тогда дед заставлял его пить уксус. Как сказали бы сейчас, у него была «детская травма».

Если бы не вчерашние слова Му Юймань о том, что Цзи Мянню нравится рыба, Дуань Чжо ни за что не позволил бы этому блюду появиться на столе.

— О, — юноша понимающе кивнул. — Значит, у вас просто язык неповоротливый.

Дуань Чжо: «...»

Он холодно усмехнулся:

— Вот как?

Скользнув взглядом по столу, мужчина посмотрел на тарелку для костей перед Цзи Мянем. Там не было ничего, кроме идеально белых, очищенных рыбных косточек, сложенных в аккуратную высокую пирамиду. Настоящий курган, обглоданный с хирургической точностью.

У Дуань Чжо дёрнулся уголок рта. Он был вынужден признать поражение. Мужчина посмотрел на губы юноши, которые сейчас были плотно сжаты — и ни за что нельзя было заподозрить, что внутри скрывается язык, способный разобрать рыбу на атомы.

«Из чего вообще сделан язык этого мальчишки?»

Так и пролетели праздники.

Сунь Ци вернулся из родного дома в новой ватной куртке. Едва переступив порог лавки, он окинул помещение быстрым взглядом и возбуждённо спросил Дуань Чжо:

— Брат, Варёное яйцо уже уехало?

— Я здесь, — не дожидаясь ответа «старшего брата», Цзи Мянь выпрямился из-за прилавка.

Оказалось, он всё это время сидел на корточках, разбирая заготовки. Сунь Ци недовольно скривился: надо же, этот вонючий мальчишка даже на праздники никуда не делся.

— Брат, я пойду проведу Сестру Му. Привёз из дома две коробки местных деликатесов.

Дуань Чжо, мирно покачивавшийся в кресле-качалке, лениво приоткрыл один глаз. Сунь Ци заговорщицки подмигнул ему:

— Не волнуйся, брат, одна из них — для тебя.

— ...Проваливай.

Цзи Мянь, стоя за прилавком, весело прищурился и тихо рассмеялся.

Отсмеявшись, он мысленно вернулся к своим задачам. По номинальному возрасту после Нового года ему исполнилось семнадцать. Му Юймань в этом году исполнялось двадцать три, а Дуань Чжо был всего на год младше неё.

Из-за разницы в возрасте первоначальный владелец тела осмелился признаться Му Юймань в своих чувствах только после совершеннолетия. Цзи Мяннь прикидывал сроки в уме. Система требовала признания в восемнадцать лет, а здесь все привыкли ориентироваться на номинальный возраст. Значит, оставался всего год до выполнения важного этапа миссии.

«Мои задачи кажутся довольно простыми» — сказал он.

Всего один ключевой узел в год.

Система, видя его расслабленный вид, почувствовал неладное.

«Ты что, всерьёз думаешь, что достаточно просто признаться через год?»

«...А разве нет?» — засомневался Цзи Мяннь.

«...Конечно нет!»

И человек, и Система погрузились в молчание. Спустя долгое время голос Системы вновь зазвучал в его голове.

«Ты что, эмоциональный кретин? — он едва не задохнулся от возмущения. — Твоя роль — испытывать к Му Юймань глубокую привязанность. А что это значит? Это значит постоянно напоминать о себе, проявлять инициативу: подавать чай, когда она болеет, утешать, когда ей одиноко...»

«Неужели ты думаешь, что если внезапно признаешься через год, Му Юймань поверит в твою искренность? Ха! Она решит, что ты просто безответственный и скользкий малолетка, который поддался минутному порыву!»

Цзи Мяннь поджал губы, пытаясь оправдаться:

«Но ты же сам говорил, что нужно оберегать её молча?»

«Оберегать молча — да. Но твоё "молча" должно быть замечено и осознано. Нужно, чтобы все вокруг — и она сама, и твоё окружение — верили, что ты глубоко её любишь. Только тогда итоговый балл будет высоким, и мы получим больше выгоды. Только за счёт этих очков ты сможешь обрести новую жизнь»

«...»

«Я понял»

Цзи Мянью отложил работу, вышел из-за прилавка и обратился к Сунью Ци:

— Брат Сунь, можно я пойду вместе с вами?

— Ха? — Сунь Ци посмотрел на него с искренним недоумением. — С чего это я должен брать тебя с собой?

— Я давно не видел Сестру Юймань, тоже хочу её проведать.

Дуань Чжо перевёл на него взгляд. Насколько он помнил, Му Юймань вернулась только позавчера, и они виделись буквально тогда же...

Сунь Ци не отличался мягкостью, особенно по отношению к этому «Варёному яйцу», которое когда-то его обворовало.

— Да мне плевать, — буркнул он.

Несмотря на грубость Сунью Ци, Цзи Мянью лишь застенчиво улыбнулся и продолжил терпеливо ждать его в стороне.

После слов Системы в его голове словно что-то прояснилось. Его задача заключалась не только в том, чтобы играть роль для Му Юймань, но и для всех окружающих. Нужно показывать свою симпатию, но делать это тонко, не допуская навязчивости, иначе образ преданного влюблённого превратится в образ «липкого преследователя», что только всё испортит.

Пойти вместе с Сунью Ци — это был идеальный баланс. Это не выглядело бы дерзко в глазах Сестры Му. А когда через год он признается в чувствах, все эти «ненавязчивые» поступки станут в глазах посторонних неоспоримым доказательством его долгой и глубокой любви.

Система молча кивнул.

«Отлично, его простодушный носитель наконец-то начал что-то соображать»

<http://bllate.org/book/15358/1416003>